

Ташкента командированы 1-й стрѣлковый баталіонъ и охотничьи команды 2-го, 3-го и 4-го стрѣлковыхъ и 10-го линейнаго баталіоновъ, а также 1 сотня 5-го Оренбургскаго казачьяго полка.

30-го мая Самаркандская область объявлена въ положеніи усиленной охраны.

ИЗЪ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

(Дневникъ очевидца съ 17-го по 27-е мая).

18-го мая. *Новый Маргеланъ* (въ 60 верстахъ отъ *Андижана*). Я только что смѣнился съ караула..... Усталый пришелъ я домой и едва занялся подкрѣпленіемъ своихъ силъ, какъ увидѣлъ своего старшаго охотничьей команды, въ карьеръ скакавшаго къ моей квартирѣ. Эта необычная скачка сразу меня поразила. Когда же я замѣтилъ у него въ рукахъ черную книгу для пакетовъ, то у меня мелькнула мысль, что онъ имѣетъ мнѣ сообщить что-то важное. Въ книгѣ оказался пакетъ на мое имя съ лаконическимъ приказаніемъ тотчасъ прибыть въ лагерь, куда я сейчасъ же и отправился. Первые слова полковника, обращенныя ко мнѣ, были: «Вы идете въ *Андижанъ*». — «Ну», подумалъ я, «опять для караула, снова живи на два дома». «Слушаюсь!» отвѣтилъ я. Но дальнѣйшій разговоръ измѣнилъ направленіе моихъ мыслей. Полковникъ объяснилъ, что охотники идутъ въ *Андижанъ* на подкрѣпленіе, въ качествѣ боевой силы. Получено извѣстіе, присланное съ *джигитомъ*, что сарты въ *кишлакахъ* формируютъ тысячныя шайки, хотя плохо вооруженныя, но опасныя своей численностью и звѣрствомъ. Это мигомъ прогнало мое дурное настроеніе и я заявилъ, что въ своихъ экскурсіяхъ на столько близко узналъ сартовъ, что считаю тысячную толпу ихъ вовсе неопасной. Немедленно приступивъ къ подготовкѣ команды къ выступленію въ путь по грунтовой дорогѣ въ *Андижанъ*, я распорядился, чтобы охотники взяли по 120 боевыхъ патроновъ, на два дня хлѣба и только самыя необходимыя вещи. Всѣ эти распоряженія отдавались между 10-мъ и 11-мъ часами дня.

Не успѣлъ я отдать всѣ свои приказанія въ командѣ, какъ снова былъ позванъ къ полковнику. Оказалось, что было получено второе извѣстіе изъ *Андижана*, что 17-го мая, въ 3 часа утра, скопище сартовъ напало на нашъ сонный лагерь, зарѣзало на смерть 19 спавшихъ солдатъ и переранило 20 человѣкъ; что телеграфъ, кромѣ желѣзнодорожнаго, испорченъ и сарты, хотя отбиты, но держатъ городъ *Андижанъ* въ страхѣ. Прибавляли еще, что пе-

рестрѣлка продолжается и наши двѣ роты находятся въ въ опасности, что джигиты, посланные раньше, были пойманы и зарѣзаны, а телеграфъ порванъ и только потомъ исправленъ. Вслѣдствіе этого приказано было идти въ Андижанъ не однимъ охотникамъ, но и первой ротѣ. Изготовиться приходилось сейчасъ же и идти не походнымъ порядкомъ, а ѣхать по желѣзной дорогѣ. Мы дѣлали все, что отъ насъ зависѣло для быстроты сборовъ, и къ часу дня люди уже пообедали и стояли въ боевой амуниціи на линейкѣ лагеря. Я имѣлъ всего полчаса, чтобы побывать на квартирѣ, захватить пальто и чемоданъ и успокоить домашнихъ. Прошелъ еще часъ и мы уже стояли у вокзала. Но увы! поѣзда еще не было и приходилось ждать.

Многіе изъ городскихъ жителей явились на вокзалъ провожать войска и кругомъ слышались отрывочные разговоры. Общій тонъ этихъ разговоровъ былъ, конечно, проклятіе сартамъ за ихъ разбойничье нападеніе на сонныхъ и рассказы о подвигахъ нижнихъ чиновъ. Рассказы эти были въ значительной мѣрѣ фантастичны, такъ какъ основывались только на слухахъ. Большинство говорившихъ съ величайшей похвалою отзывалось о молодечествѣ андижанскихъ солдатъ. Дѣйствительно, честь и слава двумъ андижанскимъ ротамъ, что въ то время, какъ дьявольскій крикъ сартовъ «уръ! уръ!» сливался съ отчаяннымъ крикомъ проснувшихся и добиваемыхъ товарищей, въ то время какъ мозги отъ ударовъ батиками летѣли во всѣ стороны, а кровь изъ-подъ шашекъ брызгала въ глаза, не потерялись тѣ, кому удалось добраться до ружей, а стали противъ врага сначала малой кучкой, а потомъ и стѣной. «Братцы, въ ружье! Сарты насъ рѣжутъ!» раздался крикъ дежурнаго ефрейтора Жернова, который былъ изрубленъ, заколовъ трехъ сартовъ. Этотъ крикъ и ревъ враговъ были пробнымъ камнемъ русскаго солдата. Въ ружье и кончено! Кто могъ схватить винтовку, сталъ грудью противъ врага, кто не успѣлъ, былъ зарѣзанъ въ постелѣ или убитъ по пути къ пирамидѣ. Вотъ гдѣ сказалось воспитаніе нашего солдата. И по одиночкѣ, и кучками и наконецъ, цѣлой ротой—вездѣ было сопротивленіе врагу до послѣдней капли крови. Ни мысли о бѣгствѣ, ни малѣйшей паники. Вотъ почему и были отбиты сарты. Вотъ почему и стоитъ нашъ солдатъ такъ недосытаемо высоко надъ азіатомъ....

Постояли мы такъ часикъ-другой у маргеланскаго вокзала, пожарились на солнцѣ, да поболтали, а потомъ и рѣшили идти встрѣчать поѣздъ въ Ходжа-Машъ. Хотѣлось хоть этимъ выиграть время и скорѣй двинуться впередъ. Хотъ и знали мы, что сарты отбиты, а все-таки щемила мысль: «на-

шихъ рѣжутъ! скорѣй бы, скорѣй туда на выручку!» Куда и усталость дѣвалась—про нее никто и не думалъ. Въ Ходжа-Машѣ поѣздъ уже былъ готовъ и только въ половинѣ седьмого мы сѣли въ вагоны и поѣхали. Жара была невыносимая, что, вмѣстѣ съ понятнымъ волненіемъ, возбуждало страшную жажду: офицеры и нижніе чины пили и пили безъ конца. Но въ вагонѣ пришлось бы плохо, еслибы не любезность инженера Б., который предложилъ офицерамъ чай въ своемъ вагонѣ. Разговоръ вертѣлся все на томъ же возстаніи, явились обычные преувеличенія, нашлись нѣкоторые, утверждавшіе, что вся Фергана въ возстаніи, телеграфъ вездѣ испорченъ и намъ предстоитъ нешуточная работа. Офицеры и нижніе чины рвались впередъ. Всѣ были увѣрены, что по дорогѣ рельсы сняты и намъ придется или выдержать крушеніе, или вступить въ бой съ засадою и, исправивъ дорогу, спѣшить на помощь андижанцамъ. Перспектива крушенія намъ, правду говоря, была не по вкусу, но выбора не было. На станціи Кува мы узнали, что черезъ этотъ кишлакъ прошла шайка мятежниковъ въ 300 человекъ. Они поймали на базарѣ одного русскаго, довѣреннаго хлопковой фирмы, звѣрски убили его и отрѣзали голову. Послѣ этого мы еще болѣе увѣрились, что рельсовый путь не будетъ въ порядкѣ. А когда желѣзнодорожный персоналъ на ходу объяснилъ намъ, что скоро будетъ оврагъ, на которомъ очень удобно испортить мостъ и сдѣлать засаду, то мы остановили поѣздъ, офицеры сѣли по-взводно съ нижними чинами и приготовились къ бою. Но тревога была напрасная. Проѣхали мы опасный оврагъ, проѣхали и остальной путь до г. Андижана совсѣмъ благополучно: ни нападенія, ни порчи дороги не было.

Въ 10 часовъ вечера мы пріѣхали въ Андижанъ и хотя, послѣ того, какъ мятежники не испортили пути и не помѣшали движенію войскъ въ Андижанъ, мы рѣшили, что все ихъ возстаніе шуточное, но рассказы испуганныхъ рѣзней жителей города снова заставили насъ насторожиться. Гарнизонъ Андижана, разставивъ сторожевую цѣпь въ разныхъ мѣстахъ, до вечера 18-го мая ждалъ вторичнаго нападенія и поддерживалъ рѣдкій огонь по бродившимъ шайкамъ. Вечеромъ, 18-го мая, гарнизонъ перешелъ въ крѣпость. Многіе жители не хотѣли сначала оставлять домовъ, а требовали нижнихъ чиновъ для охраненія, но такъ какъ было очевидной безсмыслицей разбрасывать по городу и безъ того слабый андижанскій гарнизонъ, то начальникъ гарнизона отказалъ имъ въ этомъ и предложилъ перейти въ крѣпость или защищаться какъ знаютъ. Послѣ этого жители потянулись въ крѣпость.

Почти въ одно время съ нами прибыла въ Андижанъ по грунтовой дорогѣ рота 4-го линейнаго баталіона изъ г. Оша, по требованію андижанскаго воинскаго начальника. Послѣ того, какъ гарнизонъ Андижана усилился, оправились отъ страха и жители его. Большинство разошлось по домамъ, а многимъ дали и ружья. Прибывшія войска получили разные назначенія въ городѣ. Часть войскъ выставила посты близъ лагеря и стала охранять городъ съ этой стороны; часть стояла близъ уѣзднаго управленія и посылала патрули по городу. Мнѣ съ охотниками пришлось взять подъ охрану вокзалъ и часть города, прилегающую къ нему. Я забылъ упомянуть, что для охраны станціи Кува было оставлено 20 охотниковъ, подъ начальствомъ моего помощника, подпоручика Брамберга, такъ что я охранялъ вокзалъ всего съ 20-ю охотниками и еще однимъ взводомъ, присланнымъ мнѣ изъ крѣпости. Желѣзнодорожные служащіе, вызвавшіеся быть добровольцами, въ случаѣ тревоги, за неимѣніемъ винтовокъ, по моему совѣту, должны были явиться ко мнѣ съ топорами, охотничьими ружьями, кто съ чѣмъ можетъ. Кромѣ того, я обѣщалъ дать имъ начальника изъ охотниковъ.

19-е мая я встрѣтилъ, обходя свои посты и выслушивая докладъ патрулей. Между прочимъ, отъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и случайно встрѣченнаго поручика Ф. я узналъ, что рядомъ съ вокзаломъ живетъ одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ. Тогда я, при помощи патрулей, спросилъ разрѣшенія у воинскаго начальника арестовать этого бунтовщика. Въ отвѣтъ я получилъ разрѣшеніе и 15 челов. подкрѣпленія. Утромъ я оцѣнилъ усадьбу этого сарта и, по указанію поручика Ф. и жандарма, нашелъ, арестовалъ бунтовщика и отправилъ его въ крѣпость. Ночь прошла совершенно спокойно. Часовъ въ 10 утра пріѣхалъ въ Андижанъ бывшій губернаторъ и командующій резервными войсками Ферганской области, генералъ-лейтенантъ Повало-Швыйковскій, проѣхавшій съ 13-ю казаками изъ Маргелана въ Андижанъ по волнующейся странѣ. Прежде всѣхъ генералъ увидѣлъ охотниковъ на вокзалѣ и поздоровался съ ними. Затѣмъ, мнѣ было приказано оставить на вокзалѣ постъ въ 6 челов. и съ остальной командой идти въ лагерь. Я такъ и сдѣлалъ.

Придя въ лагерь, я увидѣлъ самое мѣсто рѣзни и услышалъ рассказы подвергнувшихся нападенію. Оказалось, что наши молодцы не только отбили нападеніе, но и взяли зеленое знамя и священный коранъ. Подъ знаменемъ, съ кораномъ въ рукахъ, былъ убитъ и мулла, бывшій, повидимому, у нихъ изъ руководителей возстанія. На плацу лагеря валялись сломанные приклады, халаты, галоши, кошмы, сѣдла и т. п.; лужи крови, рядомъ съ валявшимися тибетейками, свидѣтельство-

вали о событіяхъ прошедшей ночи. Трупы людей и лошадей уже были убраны. Въ баракѣ 4-й роты слѣдовъ было еще больше. Лужи крови виднѣлись повсюду и нѣкоторые тюфяки насквозь пропитались кровью. Столбы, стѣны и ножки кроватей были забрызганы кровью. Даже потолокъ барака надъ койкой охотника Пикалова былъ забрызганъ кровью, потому что ему сонному изрубили все лицо шашками и отъ ихъ взмаховъ кровь вѣрно брызгала въ потолокъ. Изъ разсказовъ выяснилось, что первый солдатъ былъ зарѣзанъ мятежниками шаговъ за 100 отъ бараковъ, куда онъ вышелъ вмѣстѣ съ товарищемъ. Товарищъ успѣлъ убѣжать, чтобы поднять тревогу. Я между тѣмъ вся толпа съ крикомъ кинулась на баракъ 4-й роты. Дневальный направился къ тому концу барака, отъ котораго слышался шумъ. Но такъ какъ у него кромѣ штыка въ ножнахъ ничего не было, то прежде чѣмъ онъ выхватилъ этотъ штыкъ его убили. Дежурный Жерновъ и дежурный по двумъ ротамъ унтеръ-офицеръ Степановъ читали книжку въ 4-й ротѣ и, услышавъ крикъ сартовъ, вскочили, а потомъ, увидя смерть дневальнаго, кинулись къ ружьямъ, стараясь крикомъ поднять роту. Сами они взяли на-руку и штыками встрѣтили сартовъ. Но масса напирала на нихъ. Степановъ получилъ ударъ чѣмъ-то по головѣ, оглушившій его, но не свалившій съ ногъ; тогда онъ, видя, что 4-я рота плохо встаетъ, потому что она была уже частью перѣрѣзана сартами, окружившими баракъ и лѣзшими въ него со всѣхъ сторонъ, кинулся бѣжать въ 5-ю роту и поднялъ тамъ тревогу своимъ крикомъ. Изъ 4-й роты очень немногихъ разбудилъ отчаянный крикъ Жернова: «Братцы, въ ружье! Сарты насъ рѣжутъ!» Жернову срубили полголовы шашкой и онъ замолкъ. Толпа нападавшихъ въ баракъ была такъ густа, что проснувшіеся люди, даже схватившіе ружья, не могли размахнуться, чтобы колоть, и гибли подъ ударами сартовъ. Нѣсколько молодцовъ однако добрались до ружей. Охотникъ Диденко, проснувшись, увидѣлъ, что сартъ хватается ружье изъ его пирамиды. Онъ мигомъ вскочилъ, успѣлъ схватить ружье и повернулся лицомъ къ врагу и была пора... На него наскочилъ конный сартъ и замахнулся надъ его головой шашкой. Диденко успѣлъ подставить штыкъ и шашка сарта сломалась пополамъ. Тогда Диденко кинулся на него. Сартъ повернулъ лошадь вдоль барака и бросился прочь... Диденко за нимъ. Это спасло Диденку. Сартъ своей скачкой расчистилъ ему дорогу въ толпѣ. Въ концѣ барака сартъ остановился и бросилъ въ нападавшаго охотника съ сѣдла кинжаломъ. Кинжалъ слегка оцарапалъ руку Диденки, а сартъ усекалъ, спасаясь отъ его удара. Но

вслѣдъ за этимъ сартомъ, толпа враговъ окружила охотника и онъ, выбравъ мѣсто между столбовъ, съ трудомъ отбивался отъ нихъ штыкомъ. Въ то же время ефрейторъ Ефремовъ вско-чилъ, бросился къ винтовкѣ, но оглушенный ударомъ, съ окровавленной головой, безъ чувствъ упалъ подъ койку. Два удара чѣмъ-то тупымъ по ногамъ привели его въ чувство и онъ, выбравъ моментъ, скакнулъ черезъ низкую стѣнку барака, схватилъ валявшееся ружье и присоединился къ Диденкѣ. Еще двое солдатъ подбѣжали къ Диденкѣ и они вчет-веромъ не давались нападавшимъ сартамъ. Когда сарты очень насѣдали, солдаты, съ крикомъ «ура!» кидались въ штыки... Сарты не выдерживали удара и бросались прочь, а солдаты снова занимали свою позицію между столбовъ. Въ этой схваткѣ Диденку хватило еще разъ шашкой по головѣ, но вѣрно вскользь, потому что прорубили только чехолъ фуражки и не оглушили его. Въ другомъ мѣстѣ барака въ одиночку отби-вался охотникъ Купенко, который такъ счастливо защищался, что не получилъ ни одной раны, но за то на его глазахъ зарѣзали товарища, спавшаго рядомъ съ нимъ.

Между тѣмъ этотъ шумъ услышала 5-я рота и въ одномъ бѣльѣ выскочила съ ружьями въ рукахъ. Одновременно съ ними выскочилъ и подпоручикъ Карселадзе. Конные уже насѣдали на солдатъ 5-й роты, а тѣ, не имѣя патроновъ, взяли на-руку и старались отбить натискъ. Подпоручикъ Карселадзе выстрѣлилъ нѣсколько разъ изъ револьвера, но у сартовъ тоже были револьверы и ружья старой систе-мы, изъ которыхъ они стрѣляли; безъ патроновъ ихъ трудно было отбить. Конные насѣдали на солдатъ, но ни они солдатъ не доставали шашками и пиками, ни солдаты ихъ не доставали штыками, а натискъ задерживался тѣмъ, что солдаты кололи лошадей. «Патроновъ, патроновъ!» кричали солдаты. Но патроны были въ пороховомъ погребѣ и не такъ легко ихъ было доставить оттуда. Ящикъ съ караульными патронами, бывшій при 5-й ротѣ, спасъ все; его разломали и начали раздавать патроны солдатамъ, началась учащенная стрѣльба. Сарты дрогнули, а затѣмъ грянуло могучее русское «ура!» Солдаты съ отчаянной отвагой кинулись на сартовъ и погнали ихъ изъ лагеря штыками и пулями, которыя не переставали сшибать сартовъ.

Сарты бросились бѣжать, но только около знамени осталась кучка. Мулла въ экстазѣ громко читалъ коранъ подъ зеле-нымъ знаменемъ и не хотѣлъ отступать. Съ нимъ рядомъ стоялъ громаднаго роста знаменщикъ. Но скоро солдатскія пули уложили муллу. Знаменщикъ схватилъ трупъ его подъ мышки, но былъ тоже убитъ, а знамя захватилъ подпо-

ручикъ Карселадзе. Солдаты били сартовъ штыками и прикладами. Тѣ отбивались своимъ оружіемъ и нашими захваченными ружьями, но безуспѣшно. Скоро ихъ загнали въ кишлакъ Донъ. Только недостатокъ патроновъ и лошадей спасли мятежниковъ отъ полной гибели. На мѣстѣ боя осталось всего 15 сартовскихъ труповъ, но много труповъ и много раненыхъ они унесли съ собой и спрятали въ кишлакахъ. Все дѣло продолжалось не болѣе четверти часа.

Офицеры, поднятые прибѣжавшими солдатами, начали собираться. Жившій ближе всѣхъ, въ одномъ бѣльѣ и съ револьверомъ въ рукѣ, прибѣжалъ поручикъ Павловъ въ то время, когда сарты уже были отброшены и часть 5-й роты входила въ баракъ. За нимъ явились подпоручики Глузовскій, Юрасовъ, Розаліонъ-Сошальскій, начальникъ гарнизона подполковникъ Михайловъ и другіе. Сейчасъ же были сдѣланы распоряженія на случай вторичнаго нападенія. Подпоручикъ Глузовскій бросился въ пороховой погребъ, отбилъ замокъ, добылъ патроновъ и, оставивъ 6 человѣкъ для охраны погреба, направился къ лагерю, отстоявшему въ 1,000 шагахъ. Чтобы дать знать своимъ, что идетъ подкрѣпленіе, и подождать отставшихъ, онъ остановился и, за отсутствіемъ цѣпи, далъ вверхъ два залпа. Когда онъ явился въ лагерь, то людямъ роздали патроны. Части понемногу были приведены въ порядокъ и выставили къ сторонѣ непріятеля сильныя сторожевыя цѣпи. Подпоручикъ Розаліонъ-Сошальскій, когда узналъ о нападеніи, привелъ со стрѣльбища, находящагося въ 9-ти верстахъ, 22 молодыхъ солдатъ, отправленныхъ туда наканунѣ вечеромъ. Подпоручику Глузовскому уже днемъ пришлось быть на правомъ флангѣ сторожевой цѣпи и онъ былъ свидѣтелемъ случая, поразившаго многихъ. Одинъ раненый сартъ поманилъ рукой къ себѣ солдата, а когда тотъ не пошелъ къ нему, то онъ перекрестился. Солдатъ, принимая его за раненаго христіанина, подошелъ, имѣя на-готовѣ заряженное ружье. Но только что онъ приблизился, сартъ кинулся на него съ ножомъ. Солдатъ увернулся и пристрѣлилъ обманщика.

Весь день 18-го мая то тамъ, то здѣсь слышались выстрѣлы и роты были на-готовѣ. Только передъ нашимъ пріѣздомъ, съ наступленіемъ темноты, онѣ ушли въ крѣпость. Вотъ что въ общихъ чертахъ я вынесъ 19-го мая изъ разсказовъ участниковъ и собственныхъ наблюденій.

Наконецъ, я попробовалъ отдохнуть послѣ бессонной ночи; но только что я заснулъ, какъ началась буря, которая своимъ ревомъ и пылью разбудила меня. Но я упрямо завернулся въ одѣяло подъ ревъ и пыль бури и снова заснулъ. Однако, не надолго. Меня разбудила фраза: «Васъ просятъ

къ генералу! Я быстро одѣлся и пошелъ на квартиру генерала. Оказалось, что тамъ шло распредѣленіе войскъ. Между прочимъ, были направлены къ Чарваку казаки, чтобы привести съ подножнаго корма лошадей. Для поимки же Ишана еще утромъ 18-го мая были отправлены 10 чел. верховыхъ охотниковъ 20-го линейнаго баталіона съ приставомъ Агабековымъ. Ишанъ, по слухамъ, поѣхалъ къ Чарваку, чтобы принять начальство надъ готовыми возстать киргизами. Мнѣ было приказано оставаться съ охотниками въ Андижанѣ, до полученія назначенія. Получивъ это приказаніе, я вернулся въ лагерь. Количество войскъ въ Андижанѣ все увеличивалось. Прибыла еще сотня оренбургскихъ казаковъ. Лагерь уже жилъ своей обычной жизнью. Часа въ три дня насъ опять потревожили. Нѣсколько офицеровъ въ бинокль видѣли толпу сартовъ, перевалившихъ черезъ сосѣднія высоты на нашу сторону.

Войска мигомъ изготавились и выстроились близъ лагера. Андижанскій приставъ съ нѣсколькими джигитами (конные разсыльные сарты) и казаками произвелъ развѣдку и ничего не нашелъ. Послѣ того жители были успокоены и войска распущены. Впослѣдствіи, оказалось, что шайка сартовъ свернула въ сторону и въ то время, какъ ихъ искали въ сторонѣ желѣзной дороги, они направились къ Андижанъ-саю, въ противоположную сторону, переправились черезъ рѣку и скрылись. Мы рѣшили, что эта шайка пошла съ цѣлью выручить Ишана, если онъ будетъ схваченъ нашими охотниками. Когда войска разошлись по баракамъ, уже насталъ вечеръ. Вскорѣ были получены приказанія о ночныхъ нарядахъ войскъ. Я съ охотниками эту ночь провелъ въ лагерѣ.

20-е мая. Утромъ, 20-го мая, все было спокойно. Около 11 час. дня войска построились для погребенія убитыхъ товарищей, которыхъ съ умершими ранеными было 22 человека (23-й, привезенный изъ Кувы, зарѣзанный русскій). При этомъ андижанскимъ священникомъ сказано было короткое, но почувственное надгробное слово павшимъ воинамъ, которые, по волѣ Божіей, послужили щитомъ для всего русскаго Андижана. Печальная процесія съ музыкой двинулась за городъ на кладбище, гдѣ, послѣ панихиды, при залпѣ трехъ ротъ, опустили погибшихъ въ общую братскую могилу.

Вечеромъ меня съ командой направили къ уѣздному управленію, съ тѣмъ, чтобы мои патрули ходили до базара стараго Андижана и освѣщали эту часть города. Только-что я окончилъ распоряженія по постановкѣ заставы, какъ солдаты увидѣли идущаго мимо сарта. На крикъ «стой!» онъ бросился бѣжать, но его догнали и привели ко мнѣ. Хотя оружія при

немъ не было найдено, но онъ самъ сказалъ, что принадлежитъ къ шайкѣ Ишана и участвовалъ въ рѣзнѣ. Послѣ такого показанія ничего не оставалось, какъ отправить его въ крѣпость. Остальная ночь прошла спокойно.

21-е мая. Утромъ я увелъ команду въ лагерь, оставивъ только одинъ постъ для наблюденія. Въ лагерь я узналъ, что Ишанъ схваченъ близъ Чарвака и, распорядившись, чтобы мнѣ дали знать, когда повезутъ Ишана, самъ пошелъ въ одинъ знакомый домъ. Около часу съ поста въ лагерь прибѣжалъ охотникъ съ докладомъ, что Ишана везутъ. Въ это самое время я получилъ отъ начальника гарнизона приказаніе, на случай суматохи при провозѣ Ишана, стать съ командой въ центръ города, у церкви. Тутъ я и простоялъ, пока Ишана не сковали и не посадили въ особое помѣщеніе, подъ охраною оренбургскихъ казаковъ и пѣхоты. Когда я подошелъ къ дверному окошку, скованный Ишанъ сидѣлъ въ позѣ молящагося мусульманина и время отъ времени низко опускалъ голову на грудь. Ни на какіе наши вопросы на туземномъ языкѣ онъ не отвѣчалъ. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, брюнетъ, средняго роста и крѣпкаго сложенія, съ небольшою острою бородой. По рассказамъ схватившихъ, Ишанъ самъ попался въ ловушку, изъ которой ему нельзя было выбраться. На караулѣ близъ Чарвака были на подножномъ кормѣ казачьи и артилерійскія лошади съ небольшимъ прикрытіемъ изъ казаковъ. Отъ пристава Агабекова казаки узнали о возмущеніи, о томъ, что Ишанъ бросился въ ихъ сторону и о томъ, что приставу Агабекову съ охотниками поручено его поймать. Послѣ того у Ташъ-кюприка, подѣ Чарвакомъ, были выставлены пикеты, а въ Чарвакѣ помѣстился приставъ съ джигитами и охотниками. Ночью узнали о приближеніи Ишана и окружили его у самаго Ташъ-кюприка (мостъ на камняхъ). Ишанъ выстрѣлилъ - было изъ револьвера и бросился на гору, но его лошадь не могла взобраться на отвѣсный скатъ. Въ это время одинъ здоровенный джигитъ схватилъ его за бороду и за шею и пригнулъ къ лошади, а потомъ подоспѣли еще джигиты и охотники, стащили его съ лошади, связали и отдали казакамъ подѣ конвой. Вмѣстѣ съ Ишаномъ схватили и двухъ его спутниковъ, а остальные убѣжали. Дорогой отъ Ташъ-кюприка до Андижана никакихъ попытокъ освободить Ишана не было. Да и трудно было бы это сдѣлать, такъ какъ навстрѣчу пойманному Ишану была выслана еще рота пѣхоты. Въ это время прошли слухи, что маленькія шайки явились и въ другихъ уѣздахъ, такъ что нѣкоторымъ приставамъ было приказано взять небольшія команды пѣхоты, посадить ихъ на лошадей и преслѣдовать мятежниковъ.

Ошская администрація заблаговременно предупредила свои войска. Стоящій тамъ 4-й линейный баталіонъ выставилъ на ночь цѣпь секретовъ, а когда мятежники подкрались къ пороховому погребу, то 60 человекъ ихъ было безъ выстрѣла арестовано. Случилось это въ ночь съ 17-го на 18-е мая. Въ другихъ городахъ спокойно, но телеграфъ былъ порванъ между Андижаномъ, Маргеланомъ и Кокандомъ и даже между Кандомъ и Ташкентомъ, ходили также слухи, что всѣ русскіе въ Старомъ Маргеланѣ вырѣзаны и что поселки Куршабъ и Никольское въ горахъ вырѣзаны. Но потомъ все это оказалось плодомъ фантазіи. Тѣмъ не менѣе, еще 19-го мая одна рота была послана изъ Андижана въ Старый Маргеланъ и стояла тамъ, охраняя спокойствіе города.

22-е—27-е мая. Съ 22-го мая жизнь андижанцевъ все болѣе входила въ свои обычныя рамки. Самымъ выдающимся событіемъ этихъ дней было прибытіе въ Андижанъ временно-командующаго округомъ генералъ-лейтенанта Королькова и съ нимъ слѣдственной комисіи, а также двухъ сотенъ уральскихъ казаковъ. Чтобы еще больше успокоить городъ, генералъ Корольковъ приказалъ музыкѣ 4-го линейнаго баталіона играть въ городскомъ паркѣ. Андижанцы гуляли по парку съ такимъ видомъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Только строгая сторожевая служба, необычное для Андижана скопленіе войскъ, да чрезвычайно малое количество на базарѣ окрестныхъ сартовъ напоминали о событіяхъ 18-го мая.

Между тѣмъ, слѣдственная комисіа допрашивала арестованныхъ бунтовщиковъ, а изъ уѣзда то и дѣло присылали схваченныхъ подозрительныхъ сартовъ, такъ что мѣсто заключенія переполнилось ими. Былъ привезенъ и любимый слуга Ишана, успѣвшій скрыться при его арестованіи, а съ нимъ и два туркмена, которыхъ Ишанъ, по слухамъ, назначалъ въ предводители возставшихъ шаякѣ. Слѣдственной комисіи были даны въ руки два очень важныхъ документа: одинъ съ четырнадцатью, а другой съ семью печатями главныхъ заговорщиковъ. Документы эти были найдены въ коранѣ, добытомъ вмѣстѣ съ зеленымъ знаменемъ во время ночнаго боя 18-го мая. Само собой разумѣется, что этими печатями заговорщики выдали себя, потому что печать сарта или киргиза то же, что наша подпись. Теперь ихъ можно арестовать безошибочно. Администрація такъ и дѣлаетъ, но нѣкоторые туземцы узнали, что документы въ рукахъ русскихъ и чтобы не отдаться скрываются вмѣстѣ со своими сторонниками въ уѣздѣ. Документы, повидимому, представляютъ нѣчто въ родѣ клятвеннаго договора вести войну съ русскими, не щадя ни жизни, ни женъ, ни дѣтей.

Съ Андижана возстаніе началось потому, что этотъ городъ имѣлъ слабѣйшій русскій гарнизонъ. Изъ разспросовъ плѣнныхъ сартовъ и Ишана оказалось, что нападавшая шайка была численностью около 1,000 человѣкъ; кромѣ батиковъ, кистеней, копій и шашекъ, имѣла немного ружей и револьверовъ. Нападеніе сначала было предположено сдѣлать осенью, когда по всей Ферганѣ выростутъ цѣлые лѣса джугары и кукурузы, въ которыхъ могъ бы скрываться и конный, и пѣшій, но у сартовъ прошелъ слухъ, что скоро пришлютъ въ Андижанъ цѣлый баталіонъ. Въ виду этого они рѣшили ускорить нападеніе. Ишанъ разсказалъ, что онъ видѣлъ сонъ: «Сарты бьютъ русскихъ, а пули русскихъ падаютъ въ воду». На этомъ основаніи будто бы онъ и посовѣтовалъ имъ напасть немедленно на русскихъ. Планъ Ишана былъ таковъ. Онъ перерѣжетъ русскихъ въ Андижанѣ и завладѣетъ крѣпостью. Вслѣдъ за этимъ весь старый Андижанъ съ 60,000 жит. и окрестные кишлаки (нѣсколько сотенъ тысячъ жит.) возстанутъ. Въ долину Кутъ-артъ-су, въ горахъ, у него была подготовлена шайка, чтобы вслѣдъ за кишлаками поднять возстаніе въ сосѣднихъ Андижану горахъ. Послѣ того возстаніе, по его мнѣнію, должно было распространиться на остальные уѣзды Ферганы.

Однако, ударъ, нанесенный возстанію двумя ротами и быстрыми распоряженіями мѣстныхъ властей, совершенно ошеломилъ сартовъ и уничтожилъ возстаніе въ самомъ зародышѣ.

Н. Веселовскій.

